

Шэнь Сюэмэй, заслышав такой вопрос, едва удержала на лице улыбку.

Шуй-гэр, что заходил помогать несколько дней назад, был славным ребёнком, но его мать Ян Цзиньхуа была невыносимой сплетницей и больше всего на свете любила перемывать косточки за чужими спинами.

Подавив поднимающийся гнев, Шэнь Сюэмэй посушела в голосе:

— Тётушка Ян, Хуань-гэр ещё молод, да только-только из беды, весь ещё слабый. Лекарь велел самое меньшее год, а то и полтора восстанавливаться сил. Сейчас про такое и речи заводить нельзя!

Ян Цзиньхуа, однако, будто не слышала истинного смысла её слов. Её глаза так и рыскали по Се Цзиньхуаню, отчего тому стало до того не по себе, что мороз продрал по коже.

Ян Цзиньхуа пропустила всё мимо ушей и, слащаво улыбаясь, продолжила:

— Хуань-гэр? Имя-то какое радостное. Жаль только, тоже горемычный ребёнок: в столь юные годы — и уже повредил ногу. Но, сестрица Шэнь, с брачными-то делами тянуть нельзя. Поправляться — поправляйся, а присматриваться — присматривайся. А то упустишь возраст — потом трудно будет сосватать!

Слушая это, Шэнь Сюэмэй мысленно закатила глаза.

Про себя подумала: «Да сколько б ни присматривалась, до твоего уродца очередь всё равно не дойдёт!»

Семья у Ян Цзиньхуа была бедная. Мужик её был горьким пьяницей: все деньги, что водились в доме, он пропивал, и за полжизни так и не нажил никакого достатка.

Сама она была сварливой и язвительной бабой, и во всём доме, кроме приходившего на днях помочь Линь Шуя, оставался ещё её сын Линь Вэньбао — ленивый, праздный бездельник, непонятно когда ещё женится.

В деревне все друг про друга знали подноготную. Она и родных детей могла походя побить и обругать, помыкала ими, как скотиной. Кто ж отважится выдать дочь или гэра в такой дом?

При их-то положении взять хороший выкуп за невесту им было не под силу, а в чужих деревнях тем более никто не желал отдавать туда детей. Оттого сын её, хоть ему уже и стукнуло двадцать, всё ходил холостой.

Се Цзиньхуань был всего лишь подобранным с дороги ребёнком, но совесть не позволяла ей толкнуть его в такую яму.

К тому же её собственный Яньэр на него виды имел. Разве могло тут быть дело до их Линь Вэньбао?

Сюй Юй, слушая речи Ян Цзиньхуа, аж вскипел от злости и уже открыл рот, чтобы выругаться в ответ, но Шэнь Сюмэй, заметив это, проворно его удержала.

— Юйэр, ты человек учёный. В бабьи дела не вступай. С этим мать сама управится.

Утихомирив Сюй Юя, она повернулась к Ян Цзиньхуа и бросила:

— Наш Хуань-гэр и лицом хорош, и нрава доброго, и в работе проворен. Сразу видать — человек с большим будущим и судьбой. А уж о его делах я, тётка, сама позабочусь. Так что незачем тебе совать свой нос да зря хлопотать!

Ян Цзиньхуа укололи в ответ, и на душе у неё стало мутно.

Но, переведя взгляд на Се Цзиньхуаня, она вновь подавила досаду.

Что за стан у этого гэра, что за облик! И родинка беременности на лбу яркая — сразу видать, что рожать будет легко.

Чем больше она смотрела, тем больше разгорались у неё глаза; в голове уже защёлкали костяшки счётов: «Взять бы такого в жёны нашему Бао — с его внешностью на людях показаться не стыдно; родинка яркая — рожать будет одного за другим; и работающий — будет по дому управляться. А я тогда только и делай, что жди внуков да живи в своё удовольствие!»

— Этому Хуань-гэру на вид лет шестнадцать-семнадцать, не так ли? Да только посмотри: ноги-то у него не больно протные. Неровён час, за год-полтора не залечит как следует — останется хромым. Тогда будь он хоть небесной феей, кому такой будет нужен? Чем тянуть, не лучше ли теперь подыскать ему хорошую партию, чтоб потом не остаться без мужа? Вот, скажем, мой Вэньбао — парень честный да работающий. Так отчего бы нам не сговориться на этот союз... ай!

Последние слова — «на этот союз» — ещё вертелись у неё на языке, а Шэнь Сюмэй уже схватила метлу, что стояла во дворе, подскочила к ограде и без тени сомнения с силой хлестнула по рукам соседки, вцепившимся в край стены. Звонкий шлепок пришёлся точно по ним.

Ян Цзиньхуа взвыла, руки её разжались, табуретка под ней покачнулась, и она едва не полетела вниз головой, в испуге мёртвой хваткой вцепившись в стену.

Шэнь Сюмэй с метлой в руке не стала больше притворяться доброй соседкой. Тыча в неё пальцем, она разразилась бранью:

— Ах ты, черносердечная, гнилая тварь! Наш Хуань-гэр едва выкарабкался из когтей смерти, а

ты, ядовитая баба, смеешь так злобно проклинать его? До того язык поганный, не боишься, что демоны-прислужники ночью во сне тебе его отрежут?! Наш Хуань-гэр хорош, судьба у него счастливая. Придёт время — и найдётся мужчина, что будет его холить и лелеять. Не то что у некоторых: сыну уже двадцать, а к порогу до сих пор ни одна сваха не подошла!

Ян Цзиньхуа, задетая за живое, с лицом, запорошённым пылью от удара метлы, взорвалась и завопила:

— Ну ты, Шэнь Сюмэй, ты... ты как смеешь меня бить?! Я к тебе с добром, сватаю твоего никому не нужного гэра, а ты не только спасибо не сказала — ещё и дерёшься! Вижу я, строишь ты коварные планы! Хочешь придержать этого лисёнка-оборотня, чтоб греть постель своему старому холостяку-сыночку, которому ни одна баба не нужна! Тьфу! Бесстыжая тварь! Вся семейка ваша — паскуда!

Шэнь Сюмэй трясло от бешенства. Она снова замахнулась метлой, но Ян Цзиньхуа, видя, что дело плохо, втянула голову в плечи и спряталась за ограду.

Шэнь Сюмэй не достала обидчицу, и досада не утихала. Она ещё долго крыла стену бранью и угомонилась, лишь услышав с соседнего двора, как мужик с руганью и проклятьями оттаскивает оттуда Ян Цзиньхуа.

Опершись на метлу, она сплюнула в сторону стены:

— Тьфу ты, пропасть! С утра такое хорошее настроение было, а эта трещотка взяла и всё испортила.

Во дворе Се Цзиньхуань стоял, слушая эти грязные, непотребные слова, и лицо его мертвенно побледнело.

В особенности такие слова, как «лисёнок-оборотень», «греть постель» и «никому не нужный», впились в его сердце, точно занозы.

Разве в прежней семье Се его не осыпали такими же бранными словами? Даже когда он и вовсе ничего не делал — лишь проходил поодаль через парадную залу, — и тогда несостоявшийся младший зять, явившийся обсуждать сватовство, бросил на него лишний взгляд. Позже младший брат пришёл к нему и обрушил на него те же грязные, омерзительные ругательства.

Пальцы Се Цзиньхуаня мёртвой хваткой впились в край одежды, до побелевших костяшек. И только когда он увидел, что Шэнь Сюмэй отбилась от Ян Цзиньхуа и, тяжело дыша, возвращается обратно, дышать ему стало чуть легче.

Он тихо проговорил:

— Простите, тётушка. Это я навлёк на вас беду.

Шэнь Сюмэй поняла, что все эти мерзкие слова дошли до его ушей. В душе у неё смешались досада и сострадание. Взяв его за руку, она принялась утешать:

— Хуань-гэр, и думать об этом не смей. Эта баба — просто поганый рот, что извергает одно дерьмо. Это она от зависти, что ты такой пригожий, что у нас в семье лад да порядок. Вот и старается унижить и тебя, и нас!

Сюй Юй, который уже давно кипел от возмущения, поддержал:

— Вот-вот, Хуань-гэ! Слова этой старой ханжи — что ветер. С её-то паскудным нравом поделом её сыну весь век бобылём ходить!

Шэнь Сюмэй беззлобно шлёпнула Сюй Юя по затылку:

— Ты ж читающий человек! Как можно так выражаться? И туда же, уподобляешься бабе — чешешь языком без всякого удержу!

Слова её звучали укоризненно, но рука ударила легонько: она боялась причинить боль своему болезненному младшему сыну.

Сюй Юй высунул язык.

— А кто ей велел так про Хуань-гэ говорить? И буду ругать, она того заслуживает!

На душе у Се Цзиньхуаня было и горько, и тепло:

— Спасибо тебе, Сяюй. Спасибо вам, тётушка.

Шэнь Сюмэй махнула рукой на младшего сына: бить нельзя, ругать бесполезно. «Пусть только при чужих такого не вытворяет, а наедине — как хочет», — решила она.

— Хуань-гэр, не принимай близко к сердцу слова Ян Цзиньхуа. Лекарь сказал: твоя нога заживёт. Хромым ты не останешься. А при твоём-то старании и доброте о муже тебе и вовсе тревожиться нечего.

В самом-то деле — вон, даже её сынок, который раньше был глух ко всему, только и ждёт, глаз не сводит.

На сердце у Се Цзиньхуаня лежала тяжесть, но беспокоило его иное.

— Тётушка, Сяюй... я... я боюсь, что наврежу доброму имени старшего брата Сюя...

Сюй Юй беззаботно ответил:

— Хуань-гэ, да о чём тут волноваться? У моего брата кожа толстая, ему плевать, что другие болтают. Живи здесь спокойно.

Се Цзиньхуань был тронут в душе, но опасения его не развеялись.

Тётушка говорила, что Ян Цзиньхуа — сплетница. Значит, увиденное сегодня она непременно разнесёт повсюду. Чем дольше он задержится в доме Сюй, тем хуже будет для старшего брата Сюя и Сюй Юя.

Как ни жаль ему было покидать этот тёплый дом, он не мог оставаться здесь навсегда. Как только ноге станет получше, нужно будет всё же найти способ отыскать бабушку и дедушку.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/19685/1949401>